

Один клык из путешествия. Глава 37

Перевод Funtime

Бета Yulilla

-

Глава 37

В повозке Юн Чан было тепло и удобно. Пропитанную кровью резиденцию больше не было видно. Пингтинг сидела в углу, смотря на луну, но на ее душе царил лишь пустота. Отныне луна, которую она всегда так любила, больше не обладала безупречной мягкостью. Она не произносила ни слова, отражая разбитые сердца людей и изливая свет на крики битв и лица стражей, простившиеся с жизнью за просто так. Хи Сяо открыл тяжелую створку двери и добродушно ослабил веревки на девушке. А затем он ушел, забрав с собой позолоченную шкатулку.

Пингтинг стояла на невысохшей крови тех самых молодых людей, чтобы дойти до входа в резиденцию. Ее белые шелковые туфли теперь пылали красным, как дикий закат, оставляя красные отпечатки башмачков на снегу.

Ее сердце словно исполосовали ножи.

Кровь на земле не была чьей-то чужой. Она принадлежала ей.

Она текла из ее сердца, капая на ледяной снег, и холод не мог ее остановить.

Повозка ждала ее впереди. Белые занавески украшали изящно вырезанное окошко. Сама повозка была обернута в дорогие ткани.

Цзужу вырвалась вперед очень неожиданно. На ее рукавах были красные отпечатки, а пальцы окрасились кровью, когда она упала к ногам госпожи:

— Госпожа! Госпожа! Позвольте мне заботиться о госпоже в дороге!

Стражники Хи Сяо уже подняли блестящие мечи, готовые к сопротивлению. Пингтинг обернулась к Хи Сяо:

— Это моя служанка.

Хи Сяо посмотрел на молящуюся Цзужу и смягчился:

— Садись.

Ах, дорогая Цзужу, к чему все это?

Пингтинг наклонилась к окну, прислушиваясь к стуку копыт. Звук колес быстро, дюйм за дюймом, отдалял ее от дома Чу Бейджи. Она не ощущала боли, не хотела плакать. Она решила забыть о боли и слезах, чтобы навеки забыть голос и лицо того человека. Наконец она поняла, что истинные чувства не были настолько важны.

Один клык из путешествия. Глава 37

Выражение национальной благодарности – это море, а национальной ненависти – гора. Как она могла быть глубже моря или тяжелее горы? Как могло пение под луной или игра на гуцинь среди цветов сравниться со своей родиной?

Чистейшая любовь в этом мире была не совершенна и не сравнима с властью и славой, не сравнима с преданностью и не сравнима с ложной национальной гордостью.

– Будучи служанкой, разве ты не знаешь, что твой хозяин – известный генерал?

– Какой известный генерал? Он тот, кто решает, что важнее, и кто ломает сердца других людей ради собственных нужд.

Она еще немного подумала над этими словами, а Бай Пингтинг лишь грустно улыбнулась.

Разве не бывают моменты, когда все бывают этим известным генералом? Когда даже если они не могут решить, что важнее, они идут напрямик и разбивают чужие сердца ради собственных нужд?

Его выбор был правильным, хорошо выбранным.

Будучи известным генералом, он должен был первым принять решение и положить конец разбитому сердцу, бездомной и испорченной душе, созданной им самим. Пока их обещания, их улыбки не будут забыты.

Известный генерал.

Как у известного генерала у него не должно было быть сожалений.

Колеса продолжались быстро крутиться, подскакивая на ухабах дороги.

Хи Сяо торопился домой. Он заплучил Пингтинг и направлялся в сторону дома, не заботясь ни о встречном ветре, ни о грядущем морозе.

Был ли Юн Чан, скрытый в облаках, где в прекрасно украшенном Королевском дворце его ждала жена, принцесса Яоцян, его домом?

А если там не его дом, тогда куда ему возвращаться?

Где прежняя резиденция гунзюэ Цзинь Анванга?

Ни Хи Сяо, ни Бай Пингтинг не могли вернуться.

Никогда не смогут вернуться.

Чувство потери пронзило его, проникло в кости. Хи Сяо обернулся на повозку, что катилась сзади него. Пингтинг вернулась, печальная и сломленная. словно ее душа потерялась, но осталось то, что хранило воспоминание резиденции гунзюэ Цзинь Ана.

Она была тут, ее прежняя сущность тоже вернется. А если она тут, тогда тот Хи Сяо, который шутил о четырех странах с блеском и честью в глазах, тоже будет жить.

Один клык из путешествия. Глава 37

— Господин, - вдруг вскрикнул Донжэ, привлекая внимание Хи Сяо. Он оторвался от отряда и выехал вперед к Хи Сяо, — господин, впереди какие-то люди перегородили дорогу. Они говорят, что хотят встретиться с господином.

В глазах Хи Сяо вспыхнул яркий свет. Он какое-то время подумал, а потом поднял руку, чтобы остановить отряд.

Весь батальон замер на месте.

— Приведите их.

Мужчину со связанным руками выпихнули вперед к лошади Хи Сяо.

— Хотели меня видеть? - Хи Сяо взглянул вниз, измеряя взглядом высокого мужчины.

На нем было одеяние ученого, он был худ. Голос и жесты были спокойны, когда он взглянул на двух стражников около него, прежде чем посмотрел на Хи Сяо. Он не выказывал страха, лишь поднял голову:

— Меня зовут Фэй Сяосин. Я не спал несколько дней и ждал, когда гунцзюэ Цзинь Ан проедет здесь, чтобы отдать крайне ценное послание.

Хи Сяо молча посмотрел на него, не спрашивая, в чем заключалось новость. Его лицо потемнело, и он фыркнул. Его голос был холоден:

— Откуда тебе было известно, что я, принц-регент, проеду здесь?

Стражники возле пленного подняли мечи, встали в позу, готовые наброситься, только отдай им команду.

Фэй Сяосин не был удивлен и только засмеялся в ответ. Он посмотрел на них с опаской:

— У какой из четырех стран нет своих шпионов? Честно говоря, гунцзюэ Цзинь Ан, даже мой хозяин не мог предположить, что вы приедете сюда в это время, поэтому мое местонахождение здесь - случайность. Кроме того, если вы сейчас на этой дороге, то мои новости уже не столь важны.

Пронзающий взгляд Хи Сяо, который мог разгадать любые намерения, остановился на мужчине, генерал понял, что тот не врет. Хи Сяо медленно спросил:

— Кто твой хозяин? Что у тебя за новости?

— Мой хозяин... - Фэй Сяосин сделал шаг вперед и сказал шепотом, - королева Гуи Ле.

Отряд кавалерии продолжал двигаться на запад, ведомый Су Бейджи. И люди, и кони были изнурены, но никто не отставал. Луна казалась скромницей и тихо пряталась от глаз, а солнце еще не явило свой лик. Наступила уже почти заря, но небо было темнее, чем когда-либо.

— Вперед, - Чу Бейджи все еще мчался наперекор ветру.

Один клык из путешествия. Глава 37

Его руки и ноги почти онемели. Он ощущал лишь жалящий холод от прикосновения металлического меча на талии и всепоглощающее желание.

Свежая кровь, кости и песок. Тревога и печаль наполняли его грудь. Он хотел взмахнуть мечом и почувствовать приток адреналина, когда его враг падет и когда он встанет на колени перед Пингтинг, моля ее о прощении и ловя нежный аромат с ее юбки.

Вершина горного хребта теперь уже виднелась глазу Чу Бейджи. Он поспешил к ней, осматривая еще не залитые солнцем равнины внизу. Зимнее солнце начало медленно подниматься, окрашивая все в один цвет. Свет отражался в его налитых кровью глазах, отчего он казался еще более живым. Небольшое движение на горе привлекло его внимание.

Вперед!

В темноте слегка колебались тени. У Чу Бейджи перехватило дыхание. Его выражение лица не изменилось, когда он достал меч из ножен. В его глазах горело лихорадочное желание, готовое вылиться наружу.

Чен Му вышел вперед и проследил за взглядом Чу Бейджи. Он тоже увидел дрожащие силуэты. Он был генералом уже долгое время и сразу же понял ситуацию. Он прошептал:

— Кажется, их мало, наверно, это отряды, оставленные Хи Сяо на случай засады.

Теперь, когда Чу Бейджи заметил следы врага, его уверенное представление о битве вернулось. Он прошептал в ответ:

— Если Хи Сяо оставил отряды здесь, это значит, что передовой отряд уже на пути к Сино-Тибетским горам.

Когда передовой отряд благополучно перейдет перевал, более мелкие отряды немедленно догонят его и встретятся в безопасном месте.

— Нужно скакать к ним и оставить в живых их командира. Попытаться его, пока он не скажет, куда направился главный отряд.

— Да!

Меч в его руке, казалось, обжигал кожу. Однако же сердце пылало ярче, чем меч. Чу Бейджи сжал поводья в одной руке и пристально смотрел на горные кряжи.

«Пингтинг, ты сокрыта среди этих частых вершин? Я прошу тебя ответить мне взглядом, хоть на секунду. Эта древняя земля молчит ради тебя. Эти три тысячи семь сотен мечей отражают холодное сияние ради тебя. Самый глупый и самый не умеющий ценить Чу Бейджи мчится вперед ради тебя. Пока я буду видеть твою улыбку, вся кровь в моих венах будет принадлежать только тебе».

Его ладонь, сжимающая эфес меча, покрылась холодным потом. Чу Бейджи повернулся спиной к горам и медленно поднял меч, словно пронзая бесконечную темноту неба, и воскликнул:

— Убить!

Один клык из путешествия. Глава 37

– Убить! Убить! Убить!

Земля началась трясти. Холодный отблеск мечей задрожал, когда боевые крики пронзили глушь. Тысячи мужчин и лошадей ринулись с холма, разрывая тишину рассвета.

Люди в лесах были готовы победить всех врагов и тщательно готовили острые стрелы и различные ловушки. Но они не ожидали три тысячи семь сотен яростных мужчин, несущихся на них и горя самой страшной ненавистью. Они не боялись ранений или смерти. Вокруг них царила красная аура. Единственный свет, что был холоднее отблеска их мечей, был свет в их глазах.

– А-а-а-а!

Раздался болезненный крик, и все вокруг Чу Бейджи наполнилось звуком непрерывного боя. Окрестности напоминали картину, цвет крови каплями окрасил землю, подобно лепесткам сливы, когда лошади рассеивались во всевозможных направлениях.

Никто не мог противостоять Чу Бейджи. Все враги были мгновенно побеждены.

Когда две стороны схлестнулись, три тысячи и семь сотен солдат промчались с востока на запад, сметая врага с пути. Когда конь Чу Бейджи ступил на бывшее место главного штаба, битва была окончена.

Но ярость все еще не погасла.

Это нападение было крайне глупым, но в то же время самым быстрым.

Металлический вкус крови разлетелся по лесу. Это была не война, это была бойня. Армия врага насчитывала менее тысячи солдат. Большинство из них остались лежать как груда бесформенных тел.

Боевые вскрики сменили гром копыт. Наступившая тишина стала тишиной смерти.

Горошины крови скатывались с меча.

Чен Му привел человека, которого Чу Бейджи хотел получить живым. Хотя на враге была гражданская одежда, генеральская манера и внешность отличали его от рядовых солдат. Как мог такой человек ускользнуть от глаз ветерана войны?

– Где основные войска Хи Сяо? – голос Чу Бейджи был ровным.

Пугал не его тон, а глаза.

Вражеский солдат удивился и посмотрел на Чу Бейджи. Он увидел, что мужчина на коне был статным, но в тусклом свете он мог разглядеть лишь очертания.

– Что вы за генерал? – спросил он с подозрением.

– Чу Бейджи.

– Гунцзюэ Чжэн Бей из Донг Линя? – вражеский генерал был в шоке, когда воскликнул: – Вы гунцзюэ Чжэн Бей? – его лицо отражало изумление.

Один клык из путешествия. Глава 37

В глазах Чу Бейджи мелькнула тревога, он сказал тихо:

— Ты не человек Хи Сяо?

— Конечно, нет.

— Говори ясно!

Вражеский генерал решил помолчать какое-то время. Он подумал и, сжав зубы, сдавшись, проговорил:

— Я отвечаю за дезертировавший отряд и в любом случае не смог бы выполнить приказ. Меня казнят, когда я вернусь на родину. А раз так, то можно и заключить сделку с гунцзюэ Чжэн Бей. Я расскажу вас все, только умоляю, пощадите оставшихся в живых.

«Плохо дело»...

Чу Бейджи уже чувствовал, что пошел по ложному следу за врагом. Его сердце было в смятении, но лицо отражало спокойствие. Холодно он произнес:

— Говори.

Услышав это, вражеский генерал понял, что его условия приняли. Он знал, что можно доверять слову гунцзюэ, и немедленно ответил:

— Я генерал школы наездников Сяобен из Гуи Ле по имени Жао Вэн. Король получил донесение, что Хи Сяо пройдет через перевал в Сино-Тибетских горах, чтобы захватить Бай Пингтинг. Это была удивительная возможность, поэтому король приказал мне спрятаться и дожидаться тут Хи Сяо в засаде, чтобы вернуть Бай Пингтинг.

— Генерал Гуи Ле, Хи Суи? – Чу Бейджи нахмурился. — Откуда ему было знать, что Хи Сяо будет в этих горах?

У Жао Вэна было еще что рассказать:

— Согласно донесению, границы Юн Чана ближайšie к этим хребтам. Они расположили здесь большое количество солдат, так разве было сложно догадаться, что они пытаются пройти сквозь Сино-Тибетский перевал?

Чен Му прервал его вопросом:

— Сколько у вас человек?

— Девять сотен.

Выражение лица Чен Му излучало сомнение:

— Как вы смеее входить на земли Донг Линя всего с девятью сотнями, чтобы преследовать Хи Сяо?

Один клык из путешествия. Глава 37

— Но разве пограничные отряды Донг Линя не заметят нас, будь нас много? Мой отряд лучший в проникновении в Гуи Ле, поэтому мы смогли проскользнуть в Донг Линь незамеченными. Но как же мы не встретились с Хи Сяо, а наткнулись на гунцзюэ Чжэн Бея с его тремя тысячами солдат?

Чен Му видел, что его слова – правда. Он ответил вопросом на вопрос:

— Вам известно, сколько человек у Хи Сяо?

— Неужели больше тысячи?

— Все восемь тысяч.

Жао Вэн отказался это верить и покачал головой:

— не может быть. Хи Сяо зашел на земли Донг Линь дальше, чем мы. Будь у него армия из восьми тысяч, войскам Донг Линь было бы уже давно о нем известно.

Чен Му не смел ни минуты отдохнуть или подумать с той самой встречи с Чу Бейджи на пути из столицы. После разговора с Жао Вэнем, его мысли вернулись к неожиданному переводу солдат из казарм Драконьего тигра, и тут его охватил страх. Он взглянул на Чу Бейджи.

Лицо Чу Бейджи было мрачным, а глаза излучали печаль и боль.

Единственное разумное объяснение заключалось в том, что король Донг Линя был тем, кто все спланировал. Он открыл ворота, впустив врага, похитившего Бай Пингтинг, – женщину, которую любил Чу Бейджи.

Чу Бейджи решил сейчас не сосредотачиваться на этом, так как времени было в обрез. Он тут же задал самый главный вопрос:

— Раз вы ждете здесь долго время, кажется, что Хи Сяо здесь не проходил, но мы приехали с той стороны, куда отправился Хи Сяо. Куда мог он деться со своим войском, если это единственный путь?

Жао Вэн покачал головой:

— Это единственный вход на перевал через Сино-Тибетские горы, и я могу поклясться, что Хи Сяо здесь не проходил.

Чен Му вздохнул:

— Единственное доступное объяснение – это то, что Хи Сяо изменил маршрут.

Это расстроило Жао Вэня:

— Если донесение моему королю верное, тогда встречающие отряды находятся только со стороны выхода с перевала. Если Хи Сяо изменил маршрут, тогда он либо обнаружил угрозу здесь, либо знал, что мы собираемся на него напасть.

— Наличие таких сведений необычно. Может, и у Юн Чана, и у Гуи Ле, были шпионы?

Один клык из путешествия. Глава 37

На сердце у Чу Бейджи было тяжело, словно там лежал камень, он думал о том, с чего это Хи Сяо был так умен, что заранее изменил свой путь. Он молча достал меч и отдал приказ:

— Похороните павших и собирайтесь, расположимся в три милях отсюда. Пусть все хорошенько поедят и поспят. Выступаем в полдень.

Чен Му был удивлен:

— Мы больше не ведем погоню?

— А сможем ли мы догнать? – ответил шепотом Чу Бейджи, его сердце щемило. Он сжал поводья еще крепче, посылая волну боли от лопнувших мозолей. В голосе звучало поражение: — Мы уже на неверном пути, поэтому даже если двинемся вперед, будет слишком поздно.

Даже если бы его конь мог мчаться со скоростью тысячи миль в час, к моменту, когда он бы достиг их, Хи Сяо был бы уже на территории Юн Чана. И тогда у Хи Сяо больше не будет просто восемь тысяч солдат. Даже пока они не пересекли границу с Юн Чана, их все равно было три тысячи против восьми. Если каждый не убьет девятерых, шансы выживания крайне малы. Но когда они будут на землях Юн Чана, разница в численности станет больше – три тысячи против нескольких десятков тысяч. Какие шансы проникнуть в самое сердце страны, где сидят Хи Сяо вместе с правящей элитой? Даже будь у его солдат по две жизни и убей они всех, кого могли, все равно не было ни единого шанса увидеть вновь то красивое личико перед смертью.

Но если он не будет бороться, звук цинь навсегда останется одиноким, когда она будет заключена вдали от него.

Он не был доволен.

Да и как такое могло быть?

— Гунцзюэ... какой у вас план? – Чен Му освободил Жао Вэня и его оставшихся солдат, как и обещали. Он повернулся и посмотрел на лицо Чу Бейджи, в котором читалось подавленное разбитое сердце и негодование.

— Я отправлюсь на границу собирать армию, – подул рассветный ветерок. Взгляд Чу Бейджи был обращен на далекий Юн Чан, уголки рта приподнялись, не отражая печали. — Я соберу всю военную мощь Донг Линя, всю до последнего воина, чтобы разнести земли Юн Чана, пока Хи Сяо лично не вернет Пингтинг.

Женщину, чья судьба переплетена с ним, женщину, которая противостояла его мечу своим гуцинь.

«Пингтинг, от одной твоей улыбки мое сердце томится от твоей красоты. Умоляю тебя, взгляни на меня в ответ, улыбнись еще раз. Всего раз. Я променяю величайшую битву в истории и все будущее, все богатство целой страны на одну твою улыбку».

Зима почти закончилась, но холода не ушли.

Расстановка сил в четырех странах сильно изменилась. Вернув окраины, оккупированные армией Донг Линя, король Бей Мо тут же отозвал свой союз с Юн Чаном.

Один клык из путешествия. Глава 37

Цель Хи Сяо уже была достигнута. Он в целостности отозвал отряд из более трех тысяч солдат без дальнейшего сопротивления.

Крестьяне все еще верили, что боги милостивы к ним, и не знали о страшных событиях на границе, разбивших сердца многим людям.

Народ успокоился. Хотя ситуация была неожиданной, они все равно смогли успокоиться.

Королевская резиденция Донг Линя получила новости об отступлении врага, беспокойная толпа, которая не могла ни есть, ни спать, наконец, смогла скинуть камень с сердца. Но до того, как начался великий праздник, как гром среди ясного неба явились еще новости.

Гунцзюэ Чжэн Бей, Чу Бейджи, воспользовался штандартом главнокомандующего и собирал все войска Донг Линя, чтобы давить на границы Юн Чана»

Смех в огромных залах смолк, пока чиновники смотрели друг на друга в изумлении, не зная, что говорить или думать.

Юн Чан не был похож на Гуи Ле или Бей Мо. У этой страны были ресурсы для войны, но она всегда держалась в стороне, отчего ее армия казалась более зрелой. Ее возглавлял широко известный генерал Хи Сяо, так что это означало неминуемую смерть многих при атаке на Юн Чан. Кроме того, у Донг Линя едва хватило солдат, чтобы остановить заговор Гуи Ле и Бей Мо.

Как мог гунцзюэ Чжэн Бей, всегда такой осторожный, пойти на такой необдуманный шаг, ничем не отличающийся от самоубийства?

— Это правда? – Чаша вина в руках короля Донг Линя не колыхнулась, когда он взглянул на покрытого пылью посланника, стоящего на коленях в зале.

Песни смолкли, певчие и танцующие служанки почувствовали опасную атмосферу в зале. Они дрожали у стены, склонив колени и наклонив головы.

Гонец мчался несколько дней, его голос сипел. Но он все равно смог ответить достаточно громко:

— Доклад короля. Чжэн Бей отдал приказ шесть дней назад. Все генералы на границах наряду с генералами, возглавляющими войска в казармах, должны выступить и встретиться с гунцзюэ Чжэн Бей.

Король Донг Линя ничего не ответил и только взглянул на бледную королеву. Он медленно опустил золотую чашу в руках, глаза проскользнули по залу:

— Что вы думаете на этот счет?

Когда гунцзюэ Чжэн Бей вернулся в столицу, вся страна праздновала, но несколько дней спустя он поспешно уехал. Многие чиновники не были посвящены во все детали отношений Чу Бейджи и Пингтинг, поэтому они не смели открыть рта и молчали.

Удушьящая тишина окутала большой зал.

Старый чиновник Чу Зайран в этот момент думал кое о чем другом. Он решился вынести предложение:

Один клык из путешествия. Глава 37

— Так как гунцзюэ мобилизовал все пограничные войска вместе с запасными, то скольких он оставил на оборону границ с Бей Мо и Гуи Ле?

— Около десятой части обычных постов на каждой границе.

Всего десятую часть? Чиновники вскрикнули от ужаса. На таком уровне защиты считай, что не было. Если обе страны вдруг решатся на неожиданную атаку, они могут направляться прямо в сердце Донг Линя.

Все глаза обернулись к королю Донг Линя. Его выражение лица было страшным, глаза мерцали. Он поднял чашу к губам и сделал глоток:

— Я бы хотел успокоиться, прошу всех уйти.

Чиновники в панике проскакивали с мест и выстроились перед ним. Потом они поклонились:

— Ваши преданные подданные готовы уйти.

Танцовщицы и музыканты бесшумно встали с колен и аккуратно вышли из комнаты.

Настоящая тишина наступила только тогда, когда все чиновники ушли. В зале царил беспорядок, оставшийся от праздника, а толпа быстро рассеялась.

Армия собралась на границе, чтобы бросить вызов Хи Сяо.

Ради своей страны он пожертвовал своим братом и Бай Пингтинг. Теперь Чу Бейджи жертвует своим братом и Донг Линем ради Бай Пингтинг.

Что было причиной? А что - следствием?

Король Донг Линя восседал на троне, озираясь в большом зале, молча делая еще один глоток. Белая рука протянулась к нему, нежно опуская золотой кубок.

— Король... - королева была подле него и говорила шепотом: — Прошу тебя, ты можешь быстро найти выход? Издай приказ, чтобы вернуть штандарт из рук гунцзюэ Чжэн Бей.

Король Донг Линя повернулся к ней и заглянул в глаза. Его улыбка была горькой:

— Сможет ли мой брат двигать всеми войсками и без штандарта?

Элитные бойцы Донг Линя, не колеблясь, двинулись на столицу и взяли в осаду королевский дворец под его командованием в том году.

Есть такие люди, которые рождаются со способностью командовать и придавать всем смелости.

— Пусть так, но мы не можем сидеть и закрывать на это глаза, мой король, - сердце королевы больно билось в груди. — Ради одной Бай Пингтинг он поставил под угрозу безопасность целой нации. Разве он не безумец? Чего он добьется, следуя только своим эмоциям и предавая королевский дом?

Тяжелый взгляд короля Донг Линя пронзил дверь и вышел в коридор, а оттуда еще дальше:

— Он уже сделал это.

Один клык из путешествия. Глава 37

Он больше не заботился о своей жизни или смерти, о королевском доме, о своей стране.

Впервые в жизни чувство ответственности, которое было у него с самого детства, сменилось желанием собственной выгоды. И надежды на возвращение к обратному быть не могло.

Только ради женщины.

Ради Бай Пингтинг.

— Бейджи-Бейджи, все ли еще ты тот брат, что готов пожертвовать всем ради Донг Линя? – король Донг Линя медленно поднялся, посмотрел на небо, пытаясь заглянуть в его глубины. Внезапно он почувствовал в горле болезненный спазм и выплюнул на стол свежую кровь.

— Король! – закричала королева, в голосе звенела тревога. - — Кто-нибудь! Сюда!

Слуги немедленно поспешили к ним и застыли в шоке от представшей сцены.

— Король!

— Осторожнее, мой король!

— Лекаря, позовите лекаря!

Легкий дождь поливал их земли. Из старинного королевского дворца раздавались крики горя и паники. Пол около трона был весь в крови – ярко-красной, подобной той, что бесчисленно пролилась из тел стражников удаленной резиденции, ничем не отличаясь от той, что стекала с мечей на поле боя.

Страна была домом, а дом состоял из людей. Негодование росло плотной стеной, словно горы на границах. Бай Пингтинг, чем еще можно пожертвовать ради тебя?

Конец 37-й главы!